

Young & Free

КЕВИН
КУН

*Хики-
комори*

like
book

Москва
2017

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
К91

Kevin Kuhn
HIKIKOMORI

Copyright © 2012 Berlin Verlag in der Piper Verlag
GmbH, München/Berlin

Перевод с немецкого *Татьяны Зборовской*
Художественное оформление серии *Петра Петрова*

Кун, Кевин.
К91 Хикикомори : [роман] / Кевин Кун ; [пер. с нем. Т. В. Зборовской]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Young & Free).

ISBN 978-5-699-94607-5

Роман Кевина Куна – это попытка проанализировать психологию хикикомори, людей, в том числе и подростков, отказывающихся от живого общения и стремящихся к уединению.

У Тиля была обычная, знакомая каждому жизнь: дом, школа, родители. Он плыл по течению, пока однажды оно не выкинуло его на камни. И что-то сломалось в сознании Тиля, изменилось навсегда. Он отвернулся от семьи и внешнего мира, заперся в своей комнате.

Парень решил создать свой мир – мир, в котором можно не выходить из дома, а друзей заводить через Интернет. Вот только захотят ли реальные люди дружить с тем, кто не в состоянии покинуть собственную комнату?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Зборовская Т., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-94607-5 ООО «Издательство «Э», 2017

1

— Вертикально, Тиль, иначе не пройдет! — Карола скрестила руки на груди; в ладони она держит бокал шампанского. Тиль в очередной раз пытается вытащить диван из своей комнаты, но никак не может протиснуть его в дверной проем, отчего тот только еще больше застревает. Она ставит бокал на сайдборд и, не торопясь, закатывает рукава. Сколько бы Тиль ни суетился, толку нет. Карола касается его плеча, он поднимает голову, смахивает со лба влажные пряди. Она уверенно оттесняет сына, слегка проведя рукой по его щеке, берется за передний край дивана и со словами: «Вот так, видишь?» — поднимает его вверх так, что его ребро почти упирается в лампу.

— А теперь давай снизу! — Тиль берется за другой конец и выволакивает мебель в коридор. — Та-да-да-дам! — восклицает она и осто-

Кевин Кун

рожно опускает диван обратно на паркет. На лбу у Тиля от усердий выступает пот. Карола смотрит вначале на него, затем на стоящий между ними диван, затем снова на Тиля:

— И что это будет?

— Он отправляется в подвал.

— Ну, как по мне, так я не против, — Карола пожимает плечами и отходит в сторону. Тиль принимается толкать мебель в сторону входной двери. Женщина вновь берет бокал, делает глоток. Диван проезжает мимо, оставляя царапины на полу, и исчезает в длинном коридоре. Мать пахнет кремом с кокосом, запах чрезмерно сладок. Тиль продвигается мимо кухни, затем мимо распахнутых створчатых дверей. Камин в гостиной отбрасывает на стену пляшущие тени, Анна-Мари лежит на кушетке, утопая в подушках, на ее лице яркие блики от экрана ноутбука. В глазах Тиля она кажется мотыльком, замороженно летящим на свет. Их взгляды на секунду встречаются, и она сосредоточенно прищуривает глаза, словно может читать мысли, словно уже ощущает на себе обжигающий жар, но потом вновь поворачивается к монитору. На пороге прихожей, от которой отходит второй коридор, ведущий на половину родителей, Тиль обходит диван, слегка приподнимает его и тащит за собой к выходу. Подпирает дверь, протаскивает мебель по коврику с надписью

Хикикомори

«Мой дом — твой дом» на лестничную клетку. Вызывает лифт, который с ревом начинает движение. Окрашенные в бледно-зеленый цвет стены и свет равномерно рассеянных светодиодных ламп на лестнице всякий раз напоминают ему стерильно чистую и при этом все же волнующую атмосферу приемной его отца. В голове проносятся картины того, как Оскар выправляет скулы и носы, месит подкожный жир, пытается, как он сам любит говорить, откопать в человеке его истинную суть, освобождает его из-под завалов, восстанавливает естественные формы. Раздается писк, и двери лифта распахиваются. В зеркале внутри Тиль видит, как за ним вплотную стоит его мать.

— Давай я помогу, — говорит она. — Эта штука туда ни в жизни не пролезет.

Тиль на секунду замирает, затем кивает.

— погоди, — она спешит назад в квартиру и возвращается в таких же войлочных тапочках, как и у него. Карола идет впереди, он за ней. — Не опускай, — сопит она; во время спуска вес дивана приходится ей на спину. Тиль видит, как затвердевают ее мышцы, как на руках проступают тоненькие жилки, скрываясь в складках завернутой ткани. Они проходят мимо юкк, выставленных в коридор соседями, спускаются на первый этаж, минуют заднюю дверь булочной. Приоткрыта щель,

но фрау Треттер не видно и следа. Лишь гудят печи и чувствуется сладковатый запах круассанов.

Правым плечом Карола толкает дверь в подвал и первая опускает диван на пол перед входом в кладовую.

— Душноовато здесь, — она проводит тыльной стороной ладони по лбу. Тиль роется в кармане в поисках ключа. Деревянная дверь, на которой красовался огромный трафарет от «тильтега», ударила о бетонную стену. Тильтег: Тиль Тегетмейер. Первый тег он нанес на стену булочной Треттеров, второй — на стену дома напротив, третий — на стену городской ратуши, на четвертом ему, в конце концов, надоело оставлять повсюду свои следы, если уж ими не интересуется даже проезжающая в непосредственной близости полиция.

Кладовка забита коробками и мешками, полными всякой всячины. Вот торчит микшерный пульт с синтезатором и процессором эффектов, вон там — стол для настольного тенниса, сноуборд и ботинки, за ними мольберт, между ножек — деревянный кофр для цветных карандашей с тремя планшетами, здесь проглядывают детали миниатюрного фингерпарка, крошечные рампы, россыпь маленьких скамеечек, затерянных в зелени величиной с наперсток, деревьшица, даже небольшой киоск с хот-догами.

Хикикомори

— Это что такое? — уперев руки в бока, Карола воззрилась на журнальный столик цвета махагони и водруженные друг на друга стулья. Кивком указала на массивные поперечины, изголовье, изножье и подматрасник.

— Я в этом больше не нуждаюсь, — сухо отвечает Тиль.

Она берет стулья и, пройдя мимо него, выносит их в коридор.

— Понимаю, — произносит она и, развернув подматрасник длинной стороной вверх, прислоняет его к бетонной стене. — Это твой подвал, Тиль, и можешь ставить сюда все, что захочешь. Мне до этого нет дела, ты знаешь. Но только вот, пожалуйста, не свою кровать!

Тиль отворачивается, словно слова матери предназначались не ему, а кому-то другому. Начинает гудеть батарея. Ему кажется, будто этот звук напоминает жужжание электробритвы отца, которое он слушал, сидя еще совсем малышом на стиральной машине и глядя, как Оскар приводит себя в порядок, временами закрывая глаза и прислушиваясь к звону лезвий, с которого начинался его день.

Свист батарей стал на тон пронзительней.

— Каждому нормальному человеку нужна кровать, — говорит Карола.

— Ценность мебели преувеличена. — Он вырывает у нее из рук каркас и швыряет его обратно на верстак, к которому тот был при-

Кевин Кун

ставлен. В аккуратно подписанных ящиках гремят гвозди и гайки: барашки, квадратные, шестигранные, с фланцем и с радиальными отверстиями.

— Поспи на полу, тогда посмотрим.

— Я и так сплю на полу. — Он хватается за край, целеустремленно тащит его сквозь узкую дверь к остальным вещам в кладовке и одним рывком забрасывает ножки на столик. Когда он поднимает голову, Каролы уже нет. Он сует руку в карман и достает жвачку, жует ее быстро и ожесточенно. И одним ударом расплющивает миниатюрный киоск с хот-догами.

Стены его комнаты пусты, за исключением плазмы и книжной полки с одной стороны и рисунка углем в раме — с другой. Матрас приклонен к батарее, за окном густой завесой сыплются снежные хлопья. Тиль кружит вокруг своей оси, зажав в ладони толстый восковой мелок. В том месте, где стояла кровать, елочкой уложенный паркет сверкает, словно вчера обновленный. Там, где до недавнего времени еще помещались диван и столик, он уже заметно темнее. Мелком Тиль проводит жирную линию, очерчивая светлый прямоугольник на полу, и пишет на нем большими буквами: «КРОВАТЬ». Справа и слева по-прежнему громоздятся тумбочки, словно башни среди пустынного пейзажа. Волнистая линия обозна-

Хикикомори

чает местоположение «ДИВАНА» (в скобках: кожаный, драный). Пустоту, оставленную столиком, заполняет лаконичная надпись «УНИКУМ». Парень пинает матрас и подтаскивает его на середину комнаты.

Вытянутые руки свисают по обе стороны матраса; Тиль медленно скользит взглядом по изгибам лепнины на потолке, словно это извилистые тропы, в лабиринте которых он затерялся. С расположенной под окнами проезжей части почти не долетает шум. Тиль пытается прогнать из головы любые мысли, постукивает при этом кончиком мелка, который по-прежнему сжимает в руке, по паркету. Бодро взывает мотор, прервав короткий миг ни о чем не думания. Это брачный рев, призванный привлечь самок, застрявших на торговой улице, начинающейся сразу за фонтаном, у которого в восьмидесятые собирались любители поп-музыки. А может, это Оскар вернулся. Тиль стаскивает со ступней носки и принимается считать лавровые листья на лепнине. Хлопает входная дверь. Кожаные ботинки сменяют войлочные тапочки. Раздаются глухие шаги, невнятное бормотанье в коридоре. Возможно, поцелуй. В каждом углу по двадцать два листа, как всегда и было. Тиль упирается локтем в матрас, садится по-турецки, как мальчик на рисунке углем, и смотрит ему в глаза, вра-

щая головой из стороны в сторону. Мальчик смотрит на него проникновенно, словно хочет спросить, с какой стати он вообще здесь очутился: его острый нос вздернут, растрескавшиеся губы приоткрыты, словно он хочет что-то сказать. Тиль пытается принять ту же позу, будто перед зеркалом, скопировать выражение его лица, встретить взгляд своего визави таким же пронзительным, деструктивным взором. Как бы он ни старался, ему не удастся.

Экран бросает на его лицо матовый отсвет; у его ноги, под столешницей, едва ощутимо вибрирует процессор. На подоконнике стоит пустой террариум, снаружи стемнело. В свете фонаря снежинки кружатся, словно комариный рой, свет, льющийся в окна эркера, разномастными четырехугольниками ложится на стены комнаты: очертания трапеции падают на корешки книг, на одной из стен выделяется силуэт его собственной тени. Наружу ведут две двери: та, что отделяет его комнату от комнаты Анны-Мари, закрыта; в широком проеме той, что выходит в коридор, стоит отец. Он делает шаг, и его лицо озаряется светом. Видны его точеные черты, огромные, как лопаты, руки. Чересчур огромные для тех филигранных инструментов, которыми он владеет, для лезвий и скальпелей.

Обогнув матрас, Оскар смотрит через плечо сына на монитор. Не глядя на клавиатуру,

Хикикомори

парень управляет прицелом, направленным на двухэтажное помещение, сплошь уставленное автомобилями. На нем наушники, но он все равно чувствует дыхание за спиной. Из-за грузовика выскакивает военный, пальцы Тиля давят на «X», «A» и «W», герой прячется за ящик. Его туловище непроизвольно сжимается, словно прятаться приходится ему самому.

— Разве ты из этого еще не вырос? — на плечо ложится изборожденная морщинами рука, отец чувствует, как в его предплечье пульсирует энергия, сквозь футболку от тела исходит жар, словно от заряженного агрегата, который при прикосновении к нему выбрасывает излишнее тепло.

— В чем дело, папа? — Тиль жмет на «эскейп» и стаскивает наушник с одного уха.

— Хочу сказать, что у каждого периода в жизни есть своя задача, с которой необходимо столкнуться лицом к лицу, дабы обрести собственные очертания, — произносит отец. Тиль глядит на него в полнейшем непонимании.

— Ну и вообще, ужин готов, — добавляет он и убирает руку с плеча сына.

Тиль поправляет наушник, вновь клацает по «эскейпу» и дергает курсор. Его персонаж, вооруженный снайперской винтовкой, выскальзывает из укрытия и, виляя между машинами, прокрадывается ко внутреннему двору, уставленному ракетами. Еще довольно

долго в воздухе витает запах ментола, сопровождавший появление отца.

В то время как Тиль, напрягая каждую мышцу, чтобы суметь вовремя отреагировать и уклониться от града выстрелов, по-прежнему не решается распахнуть ворота, ведущие во двор, полагая, что там его поджидает засада, Оскар принимается расхаживать по комнате. Парень собирается с силами и толкает створку ворот, охватить взглядом все возможные точки укрытия практически невозможно. В отражении оконного стекла Тиль видит, как отец продолжает нарезать осторожные круги, словно и он ищет, где спрячутся враги. Останавливается у буквы «А» в слове «КРОВАТЬ», трет носком заглавную букву. «Пишет, как курица лапой», — бормочет он. Замирает под лампой, слегка пинает матрас:

— Тиль...

Тот не реагирует.

— Эй, тебе и впрямь так удобнее?

Выстрел. Персонаж Тиля, пораженный, падает на землю.

На выходе из комнаты ему приходится зажмуриться. Из столовой доносятся звуки. Карола с тонко подведенными глазами и стрижкой «паж», радостно покачивая головой, проносится по коридору в сторону кухни. Открывается и вновь захлопывается дверца холодильника.

Хикикомори

Тиль пересекает просторную гостиную — Анна-Мари, как и ранее днем, лежит на кушетке. Камин по-прежнему отбрасывает пляшущие тени, уютно потрескивает древесина. Вдали слышен гул машин, из-за створчатых дверей долетает звон посуды и столовых приборов.

— У меня нет никакого желания, — произносит Анна-Мари, обращаясь к брату, будто одно его присутствие давит на нее. — Есть сегодня не хочу.

Оскар накрывает большой обеденный стол, по ореховой столешнице которого всегда с гордостью проводит рукой, показывая квартиру гостям. Мясная и сырная нарезки разложены как бы небрежно, но вместе с тем изысканно; между ними — крохотные пиалы с корнишонами и редисом, различные виды горчицы в баночках, по центру — полная корзина хлеба. Мужчины садятся. У Тиля, как и у Оскара, ясные голубые глаза, еще больше выделяющиеся на фоне густых бровей. Парень мажет хлеб маслом, оставляя волнистые борозды, кладет сверху пару ломтиков мортаделлы и капают дижонской горчицы. Еще будучи ребенком, он отказывался идти спать, пока Карола не давала ему бутерброд, на котором волнами лежало масло, посыпанное солью, так что он мог водить по нему языком и представлять себе море, накатывающие волны, кружащих над головой бакланов и раскаленный песок.